

Алисия
Хименес
Бартлетт

*Alicia
Jiménez
Bartlett*

MUERTOS
DE PAPEL

Алисия
Лименес
Бартлетт
УБИЙСТВА
НА ФОНЕ ГЛЯНЦА

Перевод с испанского
Натальи Богомоловой

издательство **АСТ** Москва

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
Х46

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Хименес Бартлетт, Алисия.

Х46 Убийства на фоне глянца : роман / Алисия ХИМЕНЕС БАРТЛЕТТ ; пер. с исп. Н. БОГОМОЛОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-17-099679-7

Почти одновременно происходят два убийства: первая жертва — молодая любовница министра, вторая — знаменитый журналист, автор гляцевых журналов и ведущий популярной телепрограммы. Гостями его передачи становились известные люди, с которыми он вел себя отнюдь не по-джентльменски, в своих “разоблачениях” не брезгуя самыми скандальными слухами и сплетнями. Врагов он нажил себе немало, и отомстить ему мечтали многие. Все новые и новые убийства сбивают полицию с толку, и круг подозреваемых настолько расширяется, что в успешное завершение этого дела уже мало кто верит. Следствие ведут инспектор полиции Петра Деликадо и ее верный помощник Фермин Гарсон — герои детективной серии, которая принесла испанской писательнице Алисии Хименес Бартлетт мировую известность и крупнейшие литературные награды как национальные, так и международные (премии Гринцане Кавур, Рэймонда Чандлера, Надаля, “Планета” и др.).

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-099679-7

- © Alicia Giménez Bartlett, 2000
- © Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

УБИЙСТВА
НА ФОНЕ ГЛЯНЦА

Глава 1

Утро выдалось невеселое. Огромные тучи, затянувшие небо за последние часы, казалось, вот-вот взорвутся. Воздух был таким влажным, что волосы у меня висели сосульками. И вдруг, ни с того ни с сего, я очень живо представила себе, какое отвратительное впечатление должна производить на окружающих: сорокалетняя женщина, которая начинает свой новый рабочий день, не сохранив в памяти ничего существенного ото дня минувшего. Я вздохнула. Почему, интересно знать, именно сейчас меня так озаботило, как я выгляжу в чужих глазах? Обычно я не особенно задумываюсь о таких вещах, ведь это всегда быстро надоедает и к тому же портит настроение. По сути, все мы представляем собой весьма переменчивую смесь из того, какие мы есть в действительности и какими нам хотелось бы быть. Человек — нечто среднее, образованное из состояния души и состояния тела, генетики и реальной биографии, эмоциональной сферы и, если угодно, питания. Никогда не будут похожи друг на друга швед,

завтракающий бутербродами, и валенсиец, обожающий паэлью. Ничего общего не имеют между собой взгляд многоопытной женщины и взгляд девчонки, у которой еще молоко на губах не обсохло. И никогда не совпадут характеры гипотетической дочери Мэй Уэст и дочери — еще более гипотетической — матери Терезы.

Очень скоро эти мысли начали меня раздражать. Ну ладно, если уж в приступе меланхолии, связанной, возможно, всего лишь с погодой, мне приспичило пофилософствовать, почему было не выбрать тему, более достойную умственных усилий? Я всегда считала себя женщиной неглупой, мало того, меня в должной мере волновали судьбы рода человеческого, так какого же черта теперь я зациклилась на такой ерунде? Однако в то утро никакие разумные доводы на меня не действовали. По моим мозговым извилинам носился, безостановочно наверчивая круги, всего один болид: сейчас меня волновало исключительно то, что другие люди могут составить обо мне весьма убогое впечатление.

И лишь позже, по прошествии времени, я поняла, что это было знаком и предостережением. Лишь тогда мне с бесспорной очевидностью открылась связь событий, и меня охватило бешеное желание кричать на каждом углу, что обо всем, чему суждено было случиться, я загодя была предупреждена. Но для женщины нет ничего более бессмысленного, чем претендовать на роль Кассандры. Окружающие привыкли, что мы любим предсказывать неприятности, им до тошноты скучно выслушивать наши пророчества, а потом сопоставлять их с тем, что про-

изошло на самом деле. Не могу не признать: очень утомительно вечно ждать от будущего одни только несчастья. И еще: предчувствия не имеют под собой никакой научной основы, поэтому, вероятно, по-настоящему серьезных трудов в их защиту написано маловато. При всем при том наш жизненный опыт учит, что они нередко сбываются. Как иначе объяснить, что направление, которое приняли мои мысли тем хмурым утром, вскоре получило отражение в очень необычном расследовании? А точнее, в деле об убийстве, где первостепенную роль играли внешний образ человека, его вид, влияние на окружающих и мнение о нем публики. В деле об убийстве, которое подняло больше пыли, чем караван берберов в пустыне.

Фермин Гарсон довольно бесцеремонно прервал мои размышления. Он вошел в кабинет и, увидев, что я стою у окна и смотрю на улицу, издал звук, который мог означать что угодно. Мы уже какое-то время не работали вместе, но он частенько находил повод заскочить ко мне, чтобы, скажем, порыться в папках со старыми материалами. Пользуясь случаем, мы болтали о всякой всячине, а иногда пили вместе кофе. Как я уже сказала, в тот день с самого утра погода была унылой и хмурой, из-за чего люди ходили раздраженные и мрачные. Заметив, что и мой коллега тоже стал жертвой ненастья, я решила поправить положение, пустив в ход ласку:

- Как у вас сегодня дела, Фермин?
- Ужасно, — пробурчал он. — Голова болит.
- А вы пробовали принять аналгин?
- Пробовал, — огрызнулся он.

— Ну и?..

— Если я говорю, что у меня болит голова, значит, лекарство не подействовало, разве не понятно?

Иными словами, настроение его было не просто пасмурным, нет, судя по всему, пора было объявлять штормовое предупреждение. Между тем мне надое-ло даром растрачивать свою вежливость, и я перешла в атаку:

— А трепанация черепа? Вдруг поможет?

Он резко захлопнул ящик, в котором рылся, и повернулся ко мне:

— Очень вы остроумны, инспектор. Скажу больше, за все время нашего знакомства я не слышал от вас ничего смешнее. Хотя, думаю, вам будет небезын-тересно узнать, что поводов для шуток у нас с вами не так уж и много.

— Правда? Это почему же?

— К нам рикошетом отскочило одно дельце.

— Что?

— Что слышали. Ровно через час комиссар Коронас ждет нас у себя в кабинете — решил устроить совеща-ние. Но слухи тут у нас распространяются со ско-ростью лесного пожара, так что я уже знаю, о чем пойдет речь.

— О дельце, отскочившем к нам рикошетом.

— Вот именно.

— Ну и откуда же оно к нам отскочило?

— От инспектора Молинера и его помощника младшего инспектора Родригеса.

Я присвистнула. Всем было хорошо известно, что Молинер и Родригес занимались самыми запу-таннкими и щекотливыми преступлениями, теми, где

надо проявлять тонкую дипломатию, а в еще большей степени — осторожность. Иными словами, им обычно поручалось расследование любых дел, которые имели громкий общественный резонанс и могли заинтересовать прессу.

— И почему же у них дело забрали? Что у нас говорят по этому поводу?

— Молинер с Родригесом понадобились для другого расследования. Для такого, о котором, насколько можно догадаться, говорить вообще запрещено.

— Но ведь запрет, как правило, только подогревает желание посудачить.

— Еще бы! Так вот, по слухам, нашли тело девушки — девушки, скажем так, не из простых, и имеются серьезные подозрения, что она была любовницей одного важного лица.

— Черт!

— Понятно, что дело сразу поручили Молинеру с Родригесом, а то, которым они занимались, скидывают нам с вами вроде как по наследству.

— Но, надо думать, оно тоже не из рядовых, если сначала его вели эти наши “звезды”. Так о чем все-таки речь?

— Не знаю.

— С ума сойти! Что же получается? Вы не знаете именно того, что вам, как ни крути, знать должно быть позволительно.

— Шептунов мало интересуется то, что не таит в себе никаких загадок.

— И сколько времени Молинер с Родригесом занимались “нашим” делом?

— Всего пару дней.

— Тогда я не понимаю, почему это наследство так вас нервирует. У нас еще есть возможность взяться за него по-своему.

— Да, но, как вы знаете, мне всегда неприятно включаться в работу, к которой уже приложили руки другие.

— Это называется синдромом девственности, и свойствен он обычно людям с кучей предрассудков, ну, скажем так... людям косным и непродвинутым.

Моей целью было разозлить Гарсона, хотя на самом деле я вполне разделяла его опасения. Если ты не присутствовал при самых первых полицейских мероприятиях, это может сильно затруднить дальнейшую работу. Не исключено, конечно, что позиция эта ошибочна и пристрастна, но если кто-то уже начал вести следствие с опорой на собственные методы, будет нелегко определить, лучше эти методы, чем твои, или хуже, и еще труднее — почти невозможно — будет вернуться на старт и повторить пройденный путь, по-своему интерпретируя факты. Кто-то возразит мне, что работа полицейских не относится к разряду творческих, поэтому, очень даже вероятно, существует один-единственный путь для продвижения вперед — тот, который подсказывают улики. Однако рассуждать так — все равно что признать: все мы, сыщики и детективы, скроены на один манер, и в наших методах нет и намека на что-то свое, неповторимое.

Нет, нельзя позволять себе такие горькие мысли, когда ты приступаешь к новому делу, да еще в такой унылый день, да еще со слипшимися от уличной сырости волосами. Ни в коем случае! Пока мы шли

к кабинету комиссара Коронаса, я заставляла себя поверить, что расследование, которым мы в ближайшее время займемся, будет отмечено нашим фирменным знаком, особой маркой творца и художника или, по крайней мере, личным клеймом мастера, поднаторевшего в своем ремесле. И я не ошиблась. Мы не только огнем выжгли наши инициалы на материалах этого дела, оно еще и принесло нам если не славу, то, во всяком случае, известность среди коллег. Хотя, признаюсь, лучше бы этой известности было поменьше.

— Знаете, кого обычно называют сукиным сыном? — спросил комиссар Коронас, таким вот необычным образом вводя нас в курс дела.

Гарсон поспешил с ответом:

— Знаем, само собой.

Я же пустилась в канительные и никому не нужные рассуждения:

— Ну... как вам сказать. Как ни странно, но в действительности самые страшные оскорбления, обращенные к мужчинам, непременно падают и на голову женщины. Вот скажите мне, комиссар, неужели из-за того, что какой-то тип оказался негодяем или даже извергом, надо непременно полить грязью еще и его мать?

Коронас поднял руку, пытаясь притормозить мою диалектическую колесницу:

— Не стоит вытаскивать мои слова из контекста, Петра, попробуйте отнестись к этому выражению как к общепринятому. Итак, знаете ли вы, кто такой сукин сын?

— Да.

— Так вот, убийством одного такого сукина сына вам и предстоит заняться. Его нашли мертвым в собственной квартире два дня назад, он застрелен. А потом, как говорится в заключении судмедэксперта, ему еще и перерезали горло, вернее, начисто отрезали голову... обезглавили. Убийство с особой жестокостью.

— Так обычно и умирают сукины дети, — со вкусом припечатал младший инспектор.

Но я опять же, хотя и не сочла нужным вступать в открытый спор, не была согласна с таким выводом. Всем хорошо известно, что сукины дети отнюдь не всегда умирают так, как они того заслуживают. Мало того, как я давно заметила, настоящие, чисто-породные, так сказать, сукины дети являют собой пример весьма тревожной тенденции — они, вопреки справедливости, отличаются особой живучестью и, риску отметить, даже склонны к долгожительству.

— Его убили в полночь и, чтобы попасть в квартиру, использовали старый трюк — убийца назвался разносчиком пиццы. Работа сделана в своем роде очень профессионально. Почти никаких следов борьбы, хотя жертва и оказала сопротивление, судя по тому, что на полу валялись лампа и стакан. Но это практически все. Вряд ли удастся обнаружить что-нибудь еще. Есть, правда, одно свидетельство, но оно не заслуживает большого доверия. Соседка видела, как из подъезда вышел хорошо одетый мужчина, потом он побежал. Она признается, что не смогла бы узнать его, так как живет на пятом этаже, а видимость была слабой. Итак, это дело — для очень знающих работников, для людей опытных и не лишенных воображения.

— Таких, как Молинер и Родригес, — ехидно вставил Гарсон.

— У них есть чем заняться, — парировал Коронас. — Но если вам это дело кажется слишком мелким для вашего послужного списка, я всегда могу направить вас разбираться с пьяной уличной дракой, в которой еще не все до конца прояснено.

— Нет, комиссар, вы неверно меня поняли. Я имел в виду другое: лично я надеюсь быть достойным столь выдающихся предшественников. И, как мне кажется, инспектор Деликадо испытывает те же чувства.

— Что бы вы ни думали про своих предшественников, лучше скажите им об этом в лицо. Кстати, как раз сейчас они ждут вас в соседнем кабинете — там и состоится передача эстафеты.

Метафора прозвучала неудачно, если учесть, что речь-то шла об убийстве, правда, не слишком уместной была и реплика Гарсона. Прежде всего потому, что наши коллеги Молинер и Родригес никогда не кичились своим звездным статусом в нашем комиссариате. А если когда и важничали, то это объяснялось тем, что они были настоящими полицейскими. Я, само собой, не хочу сказать, будто мы с Гарсоном полицейские липовые. Нет, но почему-то я расцениваю его и себя как обычных людей, которые в свои рабочие часы выполняют служебные обязанности, но не более того. Совсем иное дело Молинер и Родригес: в глину, из которой они были слеплены в день творения, Господь вдохнул именно душу полицейских. Никто не умеет носить пиджак так, как они, — небрежно и в то же время молодцевато; никто не обращается так ловко с подозреваемыми, которым